

ИРИНА БИБАРЦЕВА

СТРАШНЫЕ БЫЛИЧКИ У КОСТРА

ИСТОРИИ РАССКАЗАННЫЕ НОЧЬЮ

Ирина Бибарцева

Страшные былички у костра

«Автор»

2026

Бибарцева И.

Страшные былички у костра / И. Бибарцева — «Автор», 2026

Однажды ночью к костру вышел усталый путник и попросил немного тепла, кусок хлеба и разрешения переждать темноту. В благодарность он предложил скоротать ночь рассказами-быличками. До самого рассвета никто не сомкнул глаз. Страшные истории путника заставили каждого невольно всматриваться в темноту за кругом света и вздрагивать от каждого шороха. Тогда никто из нас ещё не знал, что после той ночи сон будет обходить нас стороной ещё очень долго...

© Бибарцева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 У костра	5
глава 2 Ведьма	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Страшные былички у костра

Глава 1 У костра

После долгого, изматывающего пути мы решили остановиться на ночлег на берегу реки, протекавшей у самой кромки густого леса. Санька с Андреем собрали хворост для костра, а я расчистил место для нашего пристанища. Разбив лагерь и поставив палатки, мы развели костёр. Солнце уже скрылось за верхушками деревьев, а лес медленно погружался в темноту.

Вдруг мы заметили, как со стороны леса к нашему костру медленно приближается кто-то. Это был старик, сгорбленный и суховатый. На нём были потрёпанный временем плащ, растоптанные старые сапоги и такая же старая фетровая шляпа с широкими полями, какую уже давно не доводилось видеть ни на одном человеке. Из-под шляпы выбивались седые пряди волос, а лицо почти полностью скрывала густая косматая борода. Незнакомец выглядел очень колоритно и одновременно странно. Но больше всего нас удивило вовсе не это. Стояла душная летняя жара. Воздух был неподвижен, а от костра и вовсе веяло нестерпимым зноем. Мы сидели в лёгкой одежде, то и дело вытирая пот со лба, тогда как незнакомец, казалось, совсем не замечал жары.

Старик подошёл к нашему костру, остановился в нескольких шагах и, приподняв шляпу, негромко поздоровался.

— Доброго вам вечера, люди добрые... Не найдётся ли местечка у костра? Дайте старику немного погреться, ночь переждать да кусок хлеба, если не жалко.

Мы, конечно, не отказали. Подвинулись, освобождая место у огня, налили ему кружку горячего чая, открыли банку тушёнки, отрезали горбушку свежего хлеба и ломоть сала. Поделились всем, что сами приготовили на ужин. Старик поблагодарил нас, но к еде почему-то не притронулся. Тогда мы не придали этому никакого значения.

Некоторое время он молча сидел, глядя в огонь. Казалось, мысли его были где-то очень далеко. Потом медленно поднял глаза и, слегка улыбнувшись, произнёс:

— За долгую жизнь довелось мне исходить немало дорог. Где только не бывал и чего только не слышал. Если ночь вам коротать нечем, могу рассказать несколько историй. Только истории эти не весёлые... Про то, о чём люди после захода солнца стараются лишний раз не вспоминать.

Мы переглянулись. До рассвета было ещё далеко, делать было совершенно нечего, а потому предложение старика приняли без раздумий.

Старик ещё несколько мгновений молча смотрел на языки пламени. Потом медленно протянул к костру сухие, узловатые руки, словно хотел согреть их.

— Люди нынче много чего сказками называют... — тихо произнёс он. — А ведь не всякая сказка выдумана. Некоторые истории сами людей находят. Стоит только оказаться не в том месте... и не в то время, — сказал он, обведя нас взглядом.

глава 2 Ведьма

Старик долго смотрел на огонь, словно вспоминая что-то очень далёкое.

Потом тихо произнёс:

— Была в одной деревне старая изба. Стояла она на самом краю, у леса. И всё бы ничего... да только каждый, кто в ней поселялся, быстро умирал.

Он сделал паузу. Никто из нас не перебил его.

— Дом тот не пустовал. Каждый год находились люди, которым деваться было некуда. Кто после пожара без крова оставался, кто из соседней деревни переезжал, кто просто не верил людским разговорам.

Костёр негромко треснул.

Старик продолжил ещё тише:

— Говорили, будто дом проклят. Другие шептались, что в лесу, за погостом, ведьма живёт, которая прежде обитала в том доме. Старик ненадолго замолчал, словно вспоминая что-то давно забытое.

— А ведь когда-то она была самой красивой девушкой во всей округе. Весёлая, работающая, с длинной русой косой до самого пояса. Женихов вокруг неё вилось столько, что и не сосчитать. Да только...

Тут старик вдруг осёкся, словно поперхнулся собственными словами. Несколько раз тяжело кашлянул в кулак, покосился в сторону тёмного леса и лишь потом продолжил:

— Да только ни один ей по сердцу не пришёлся. Хотела она сама себе суженого выбрать, а не покорно ждать того, кого судьба пошлёт.

Вот и решила она на Святки, в ночь перед Крещением, у банника о будущем муже разузнать. Не побоялась одна, да ещё в такой час, отправиться в старую баню и провести там обряд.

Наутро родители бросились её искать. Следы на снегу привели их к старой бане. Внутри, на банном полке, стояли две оплывшие свечи, а посреди пола лежало разбитое зеркало, почерневшее изнутри, будто его закоптили с обратной стороны.

Рядом нашли дочкин гребень, несколько вырванных русых волос да алый платок, сорванный с косы.

Следы девушки вели к бане, но в обратную сторону ни одного следа не оказалось. Будто вошла она внутрь — да там и растворилась. Искали её всей деревней: прочёсывали лес, спускались к реке, заглядывали в овраги и заброшенные колодцы. Всё напрасно. Словно сквозь землю провалилась.

Сгинула девка.

А вскоре родители начали слышать по ночам плач и стоны под окнами. Выбегали во двор, обходили дом, заглядывали за сарай — но никого не находили. Только на снегу порой оставались едва заметные следы босых ног, тянувшиеся вокруг избы.

Тогда и пошли они к батюшке.

В тот же день избу освятили. Над дверями и окнами начертили кресты, стены окропили святой водой, а под порог насыпали заговорённой соли, запечатав вход от всякой нечистой силы.

Но не помогло и это.

Каждую ночь слышали они шорохи, плач и протяжные стоны. Кто-то медленно обходил избу круг за кругом, причитал и тихо звал:

— Матушка... Батюшка... Отворите...

Голос был дочкин, до боли знакомый. Иногда она плакала, иногда просила простить её, а иной раз вдруг начинала смеяться — низко и хрипло, совсем не по-девичьи.

Но родители дверь не открывали. Каждый вечер зажигали перед образами лампы, читали молитвы и до самого рассвета сидели, не выпуская из рук крестов. Всё надеялись, что однажды голос умолкнет и та, что ходит вокруг дома, оставит их в покое.

Не оставила... Спустя месяц после исчезновения дочери обоих нашли повешенными в собственной избе. Все двери были заперты изнутри, ставни плотно закрыты, а в каждой комнате горели свечи. Перед образами теплились лампы, хотя масла в них оставалось едва ли на несколько минут.

Двери и оконные рамы изнутри были испещрены крестами — одни начертаны углём, другие вырезаны ножом прямо в дереве. Будто до последнего мгновения родители боялись впустить в дом того, кто стоял снаружи.

Лишь спустя несколько лет люди вновь увидели её. Сказывали, что случилось это на старом погосте, в лесу, куда мужики пришли копать могилу для почившей старушки. И увидели её... стояла среди покосившихся крестов, неподвижная, словно ждала кого-то. Узнать в этой высохшей, седой женщине с холодным, неподвижным взглядом ту самую деревенскую красавицу было почти невозможно. Прошло всего несколько лет, а казалось, будто она прожила целую жизнь. Лицо её осунулось, кожа потемнела, волосы покрылись сединой, а взгляд стал тяжёлым и пустым. Будто лес забрал её молодость, оставив взамен лишь долгие годы, которых она на самом деле не прожила. Лишь длинная коса, теперь уже белая, как первый снег, напоминала о той девушке, которой когда-то восхищалась вся округа.

С тех пор люди стали замечать: всякий раз ведьма появлялась на погосте за день до похорон. Старики поговаривали, что она приходила не за человеком — она приходила встретить и проводить его душу. Говорили, что в деревню она больше не возвращалась. И всё же некоторые клялись, будто в туманные дни видели её на окраине деревни. Она молча стояла у дороги, глядя в сторону своего старого дома, а затем исчезала прежде, чем кто-нибудь успевал приблизиться. Находились люди, которые клялись, будто поздними вечерами видели у старого дома женский силуэт в длинном тёмном одеянии и чёрной косынке. Она обходила дом кругами, как будто заглядывая в пустые окна, высматривая что-то внутри. Ветер доносил то тихий женский плач, то едва различимый шёпот. И тогда в деревне начинали выть собаки, а люди зажигали лампы.

Несколько лет дом пустовал, пока однажды в деревне не объявился дальний родственник прежних хозяев. Он приехал не один — с женой и двумя детьми. Семья заселилась в дом в самый канун Покрова.

Жители деревни долго уговаривали их отказаться от этой затеи. Старики рассказывали старую легенду, женщины крестились, а дети боялись даже смотреть в сторону дома. Но хозяин лишь усмехался:

— Если бы дома могли убивать, половина деревень давно опустела бы

Только одна старуха, видя, что отговаривать их бесполезно, уже уходя, обернулась и тихо сказала:

— Если ночью услышите, будто кто-то ходит вокруг дома, не выходите. Что бы ни случилось. И что бы вы ни услышали... не открывайте дверь до рассвета, до первых петухов.

Хозяин снова рассмеялся:

— Не бойся, бабушка. У нас дверь крепкая.

Старуха лишь покачала головой:

— Дверь тут ни при чём, сынок... Пока человек сам её не откроет.

Старуха ушла, не сказав больше ни слова.

Её маленькая сгорбленная фигура ещё долго виднелась на дороге. Она не оглянулась ни разу, будто знала, что сказанного достаточно.

Хозяин только усмехнулся:

— Вот ведь умеют людей страхом кормить...

Жена ничего не ответила. Почему-то слова старухи не выходили у неё из головы.

В тот вечер они долго обживали дом. Расставили сундуки, развесили одежду, затопили печь. Дети бегали по комнатам, радуясь новому дому, а хозяин, довольный удачной покупкой, всё повторял:

— Хороший дом. Крепкий. Прстоит ещё сто лет.

Когда стемнело, они заперли дверь, погасили свечи и легли спать. И первую половину ночи ничего не происходило. Лишь далеко за полночь собака, привязанная во дворе, вдруг тихо закулила. Не залаяла. Не рвалась с цепи. Она жалобно скулила, прижавшись к земле, словно увидела того, кого боятся даже звери.

Следом послышались медленные шаги. Не по дороге. Не по двору.

Кто-то очень неторопливо обходил дом круг за кругом, шурша щебнем под ногами. Тихонько скрипнули разошедшие половицы на крыльце дома...

И снова всё стихло.

Никто не произнёс ни слова. Было слышно лишь, как в печи осыпаются угли да тяжело дышат дети, прснувшиеся от собачьего скулежа.

Казалось, тот, кто стоял за дверью, просто ждал.

И вдруг тяжело звякнуло железное кольцо на двери.

Один раз.

Потом второй.

Медленно. Без спешки.

Так стучат не те, кто просится в дом.

Так стучат те, кто знает, что рано или поздно им всё равно откроют.

Никто не шелохнулся.

Хозяин лежал, не сводя глаз с чёрного потолка. Ещё вечером он смеялся над деревенскими байками, но теперь почему-то не находил в себе сил даже подняться с лавки.

На улице снова слышались шаги.

Медленные.

Размеренные.

Они удалялись...

Потом возвращались вновь.

Будто кто-то терпеливо ходил вокруг избы, не желая уходить.

Так продолжалось почти до первых петухов.

А потом всё стихло.

Наступила такая тишина, словно за всю ночь возле дома никого и не было.

На рассвете хозяин первым вышел во двор.

Дверь была заперта.

Калитка тоже.

Но влажная от росы земля вокруг дома была вся исчерчена следами.

Только следы эти были странные.

Они тянулись круг за кругом вокруг избы, будто кто-то обходил её всю ночь.

И нигде не было видно ни одного отпечатка, ведущего к дороге...

Или обратно в лес.

— Вот ведь выдумщики... — усмехнулся он. — Видать, деревенские мальчишки напугать хотели.

В тот же день он встретил у колодца нескольких мужиков.

— Признавайтесь, — сказал он со смехом. — Кто ночью вокруг дома топтался? Ваши сорванцы?

Мужики переглянулись.

Один только покачал головой.

— Наши дети после захода солнца из дому носа не кажут.

Другой негромко добавил:

— Да и взрослые тоже...

После этих слов разговор как-то сам собой закончился. Мужики быстро разобрали вёдра и молча разошлись, будто не хотели больше задерживаться рядом с новым хозяином.

Уже возвращаясь домой, хозяин заметил, что соседские мальчишки играют на другом конце деревни.

Самому старшему из них было не больше двенадцати лет.

Он посмотрел на их босые ноги и вдруг вспомнил тяжёлые, размеренные шаги, всю ночь раздававшиеся вокруг дома.

Нет... Так дети не ходят. Но всё-таки он окликнул одного сорванца:

— А ты ночью возле моего дома не был?

Мальчишка испуганно замотал головой.

— Дед не велит... Говорит, после захода солнца там кто-то окна считает.

— Окна считает? — удивился хозяин.

Мальчик молча кивнул и, не сказав больше ни слова, убежал.

Хозяин только покачал головой.

— Совсем людей этими сказками запугали...

Но вечером, запирая ставни, он почему-то невольно пересчитал окна своего дома.

Их было три...

После ужина хозяин ещё долго сидел на крыльце, словно нарочно ожидая ночного гостя.

— Посмотрим, кто сегодня придёт, — усмехнулся он.

Но ночь была непривычно тихой.

Не скулила собака.

Не шелестели деревья.

Даже сверчки, казалось, умолкли.

Когда вся семья уже легла спать, хозяин ещё долго не мог уснуть.

Он прислушивался.

Но вокруг стояла такая тишина, что ему стало даже неловко за собственные мысли.

— Видать, и вправду показалось... — пробормотал он, переворачиваясь на другой бок.

И только он закрыл глаза...

Тук...

Не в дверь.

В окно.

Совсем рядом.

Один короткий, глухой удар.

Хозяин резко сел на кровати.

В доме снова стало тихо.

Он уже решил, что ослышался...

Тук...

Теперь уже в другое окно.

Будто кто-то медленно обходил дом, останавливаясь у каждого.

Когда удар раздался у третьего, последнего окна, хозяин не выдержал... Он одним движением вскочил с кровати и подбежал к окну.

Отдёрнул занавеску...

И остоленел.

По ту сторону стекла, всего в нескольких вершках от окна, неподвижно стояла высокая иссохшая женская фигура в длинном чёрном балахоне и старой тёмной косынке.

Мертвенно-бледное лицо казалось вырезанным из воска. Глубоко впалые глазницы скрывала тень, и лишь белёсые, почти бесцветные глаза, не мигая, смотрели прямо на хозяина.

Она не двигалась.

Не моргала.

Не дышала.

Просто стояла, отделённая от него лишь тонким оконным стеклом.

Хозяин почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

Он хотел закричать, но не смог.

В этот миг ведьма медленно подняла иссохшую руку...

И одним длинным чёрным ногтем тихо провела по стеклу.

Скр-р-р...

От этого звука по спине пробежал такой холод, какого он не испытывал никогда в жизни.

А потом...

Она улыбнулась.

Она стояла и смотрела.

Без ненависти.

Без злобы.

Просто смотрела.

Будто вспоминала что-то давно забытое.

Хозяин хотел закричать, но голос стал словно чужим.

Он с трудом отступил от окна, наткнулся на лавку и рухнул на пол, чудом не разбудив жену и детей.

Всё его тело тряслось.

Дышать было нечем.

Через несколько мгновений он наконец повернулся и бросился к двери.

Запер её на засов.

Прислонился к ней спиной.

И просидел так до самого рассвета, не смыкая глаз.

Когда первые лучи солнца осветили двор, он осторожно поднялся и снова подошёл к окну.

Во дворе никого не было.

Только на стекле остался длинный серый след от сухого пальца...

Точно напротив его лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.